

ДЕТЕКТИВ
СИЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ

ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ

**РОМЕО ДОЛЖЕН
ПОВЗРОСЛЕТЬ**

**ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР
ВСТРЕЧИ**

**ЖЕНЩИНА
В ЛУННОМ СВЕТЕ**

**СПАСИ МЕНЯ,
ПОЖАЛУЙСТА!**

**ДОМ БЕЗ
ПРИВИДЕНИЙ**

СТАРШАЯ ПОДРУГА

**ЧЕРНОЕ
ОБЛАКО ДУШИ**

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ
ОШИБКА**

**ГЕРОЙ
ЧУЖОГО РОМАНА**

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

СКРИПАЧКА

**СОЛО ДЛЯ
ВЛЮБЛЕННЫХ**

ТРЕФОВЫЙ ИНТЕРЕС

ВОССТАНИЕ ФЕНИКСА

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ВОССТАНИЕ ФЕНИКСА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Дурасова*

Бочарова, Татьяна Александровна.

Б86 Восстание Феникса : роман / Татьяна Бочарова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой).

ISBN 978-5-04-164143-6

Всю жизнь Регина Сергеевна проработала учительницей русского и литературы в школе. Однажды в торговом центре она встретила своего бывшего ученика Константина Соболева. Он рассказал, что недавно открыл выставочный салон и пригласил ее на вернисаж. Регина Сергеевна осталась в восторге! Прощаясь, Константин пообещал звонить, но пропал... В тот же вечер с учительницей произошло нечто странное: в ее квартиру попытался проникнуть странный юноша. Регина Сергеевна быстро забыла о неприятном инциденте. Ее больше волновало, что Соболев так и не позвонил. Попытки найти его в салоне и дозвониться по телефону не увенчались успехом, и тогда она отправилась к нему домой. Поднявшись, Регина Сергеевна увидела дверь его квартиры незапертой. А зайдя внутрь, она обнаружила Константина с ножом в сердце...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164143-6

© Бочарова Т., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Елизавете Костиковой
с благодарностью за идею*

1

Когда я представляю свою жизнь, то мне сразу вспоминается мультик про бедную принцессу и злую колдунью, поклявшуюся у колыбели малютки сделать ее существование невыносимым. Наверняка возле моей кровати стояла такая же злюка — с рогами на голове, крючковатым носом и выпирающим острым подбородком. Чем прогневили ее мои предки, понятия не имею, но, видимо, прогневили по полной. И она дала волю самым отвратительным чувствам. А проще сказать — проклала меня с первого дня рождения.

Отца я никогда не видел. Он отказался от меня сразу же, как узнал, что мать беременна. Просто послал ее подальше, сунув в руку пару мятых купюр. Они предназначались для оплаты известной медицинской манипуляции, призванной сделать так, чтобы я никогда не появился на этот свет. Но я появился! Мать не пошла на аборт, хотя ей было всего-то восемнадцать и жила она, как сей-

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

час принято говорить, в неблагополучной семье, а именно со старой бабкой и дедом-алкоголиком. Помощи ей ждать было неоткуда. Никто в доме не обрадовался бы пищащему свертку, никаких тебе сюсюканий и умилений. Не дали бы в морду лишний раз, и то хорошо. Однако мать решила рожать, несмотря ни на что.

В положенный срок я вылез на свет божий, посмотрел на все это безобразие и завопил благим матом. Позже прабабка говорила мне, что я уже при рождении имел чисто бандитскую физиономию. И вел себя подобающе.

— Это не ребенок, — кричала она, в очередной раз давая мне подзатыльник или охаживая венником по спине. — Это чистый дьявол. Тюрьма по тебе плачет, чертенок!

Она была не одинока в своих прогнозах. Мне кажется, про тюрьму я услышал сразу, как начал понимать человеческую речь. Про нее твердила мать, в отчаянии вытирая слезы с бледного, худого лица. О ней талдычил сосед, высокий, очкастый дядя Гриша, и воспиталка на пятидневке, пухлая, краснощекая Валерия Всеволодовна.

— Хулиган!

— Бандит!

— Негодник!

— Чертово отродье!

Такие эпитеты я слышал каждый день, да что там, десять раз на дню. И чем больше я их слышал, тем больше меня тянуло на разные пакости. Разбить прабабкину любимую чашку в противный желтый цветочек, любоваться на великолепные острые черепки и наслаждаться ее звериным воем. Дать в нос любимцу воспитателей, толстощекому, похожему на поросенка Васе Пуговкину, и наблюдать, как тонкие струйки крови текут на безупречно белую рубашечку. Залезть в комод, где прадед хранил припрятанную от прабабки чешку, спереть ее, а после выбросить в мусорку на лестничной площадке...

Мои подвиги можно было перечислять бесконечно. Фантазия у меня работала буйно и бесперебойно, она цвела, как экваториальный лес после грозных ливней. Только мать не ругала меня. После того как я получал тумачков от бабушки с дедом, или после жалоб в садике и от соседей, она тихо, почти беззвучно, плакала. По ее лицу катились маленькие, прозрачные слезинки. Вид их наводил на меня тоску и безнадежность. Я совершенно спокойно сносил удары ремнем, тычки и подзатыльники, никогда подолгу не унывая. Но эти слезы... Что-то твердело у меня внутри, в груди, болезненно давя на ребра, не давая вздохнуть. Мне хотелось закричать — так

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

громко, чтобы сбежались все кругом, вызвали полицию, пожарных, МЧС. Но почему-то я молчал и даже не пытался утешить мать или оправдаться за свои проступки.

Так пролетело мое дошкольное детство, и я пошел в первый класс. Уже через месяц я стал записным хулиганом класса, а немногим позже — и всей школы. Снова зазвучало слово «колония», но на сей раз это было не пустое сотрясение воздуха, а вполне конкретная, хоть и отложенная перспектива. Учился я из рук вон плохо, можно сказать, вообще не учился. Уроки не делал никогда. В класс приходил, когда хотел, мог опоздать на несколько уроков, а мог и вовсе прогулять. Вскоре у меня появились дружки — такие же отчаянные пацаны, отвергнутые приличным обществом. Почти все они были старше, но это не влияло на мой авторитет среди них. Меня уважали, со мной советовались, да что там — многие просто боялись. Я считался в компании отчаянным, способным на что угодно. Если кто-то пробовал тронуть меня, я превращался в маленького злобного дьяволенка, налетал на обидчика, как ураган, пускал в ход все средства — кусался, царапался, мог схватить первое попавшееся под руку: камень, осколок стекла, палку — и пустить в ход.

Понятно, что через пару лет состоялся мой первый привод в детскую комнату. Меня поставили на учет в девять, а в одиннадцать уже серьезно обсуждался мой перевод в специализированную школу для неуправляемых подростков. Меня тогда отмазала инспектор по делам несовершеннолетних, Анастасия Викторовна. Она была редкостной умницей, эта Анастасия Викторовна, Асенька, как называли ее все коллеги. Совсем молодая, хрупкая, похожая на стройную осинку, с огромными серыми глазами и толстой пшеничной косой на прямой, худенькой спине. Мне она нравилась. Мне мало кто нравился из окружавших меня людей, скорей, я всех ненавидел. Но Асенька была исключением. Она сажала меня у себя в кабинете на диванчик, наливала мне чай, клала рядом две шоколадные конфеты и долго, тихим голосом говорила о том, как не нужно хулиганить, а надо взять себя в руки, учиться и вырасти приличным человеком. Честно сказать, мне плевать было на то, что она говорит. Я и не слушал ее. Но чай пил и конфеты ел. Асенька видела, что я ее игнорирую, и тяжело вздыхала. Однако, когда собрали комиссию по моему делу, она упорно выступала против отправки меня в специнтернат.

Мотивировала свое мнение она тем, что у меня сложные условия существования, и еще она яко-

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

бы видит во мне положительные черты и даже какие-то интеллектуальные задатки. Где она разглядела эти задатки, сложно предположить — я с трудом читал по слогам и считал только с помощью калькулятора, который спер в магазине у какого-то зазевавшегося дядечки. Однако комиссия поверила Асеньке и решила дать мне еще год на перевоспитание. Год этот благополучно окончился новыми приводами, и в двенадцать меня таки загребли в специнтернат.

Вот это был ад, скажу я вам. Вряд ли где-то есть жестокость большая, чем я видел там. Многие не выдерживали, ломались. Зверский режим, унижения, побои — это кого хочешь сломают. Были дни, когда я хотел сдохнуть. Много дней. Я молился Богу, чтобы он вызволил меня. Я готов был обещать ему что угодно — что стану паинькой, не буду переступать закон, начну читать и прочее... Но молитвы мои канули в Лету: никто не собирался выпускать меня на свободу, никто вообще мной не интересовался: ни мать, уже тогда сильно болевшая, ни бабка с дедом. И в какой-то момент я понял, что больше не хочу умирать. И молиться тоже не хочу. Что я могу существовать даже в этих пыточных условиях — главное, ничего и никого не бояться. Потому что даже если ты бесправный, униженный и безза-

щитный, у тебя все равно остается твое человеческое достоинство, и ты в силах сохранить его и ухмыльнуться в физиономию своему мучителю. Этим ты победишь его и сможешь стерпеть все, ну или почти все.

Возможно, есть на свете люди, которые не поняли этого до самой старости или не задумывались об этом вовсе. Я понял это, когда мне исполнилось четырнадцать. В интернате ко мне приклеилась кличка Бешеный. Я слышал как-то, как один из воспитателей сказал другому про меня:

— Этот никогда не уймется. Его можно огнем жечь, на куски резать, все нипочем. Такие всю жизнь проводят на зоне, и она им как дом родной.

Он оказался прав. В шестнадцать я организовал драку и нападение на охранников магазина. Мне дали первый реальный срок. Это была малолетка. Я пробыл там два с половиной года, пока мне не исполнилось девятнадцать. Потом меня перевели во взрослую колонию. Когда я освободился, оказалось, что семьи моей больше нет, как и квартиры. Мать умерла, прадед с прабабкой спились и тоже покинули этот мир, предварительно продав жилье каким-то жуликам. Мне органы опеки смогли сохранить комнату в коммуналке, куда я пожаловал с одной сменой белья и в подростковой одежде, которая давно стала

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

мне мала. Соседка, похожая на бабу-ягу противная старушенция Амалия Ивановна, увидев меня, едва не лишилась чувств. С тех пор иначе, как убивец, она меня не называла. Напрасно я пытался объяснить ей, что я никого пока еще не убил и в планах у меня этого нет. Стоило мне открыть рот, чтобы что-то возразить ей, она тут же хваталась за сердце и вызывала полицию. Приезжали менты, начинались разборки. После этого мне и вправду хотелось придушить старую ведьму...

Я чувствовал себя уставшим. Мне еще и двадцати не стукнуло, а по ощущениям я столетний старик. Мое тело в шрамах и отметинах, но это полбеды. Хуже, что и душа моя сплошь покрыта шрамами. Мне надоело быть Бешеным. Надоело сидеть наготове и скалить зубы, точно голодный, затравленный пес. Денег нет. Работы тоже нет. С судимостью никуда не берут. Только в курьеры, разносить еду по клиентам. Меня это бесит. Не могу я ездить на велике с котомкой за плечами. Ну не могу, и все, хоть провались.

Я подхожу к маленькому, тусклому зеркалу, висящему на стене в моей комнатенке. Рама его облупилась, на стекле царапины. Из отражения на меня смотрит бедный юноша с прищуренными глазами. Губы сжаты, подбородок выдвинут

вперед. Вспухшая синяя вена на виске. А в глазах пустота. Так жутко глядеть в эту пустоту. Она отталкивает и в то же время манит, тянет, как магнит. Кажется, еще мгновение, и пустота затянет меня целиком, с ногами и головой, поглотит, чтобы больше никогда не выпустить, оставить вечным затворником где-то в ледяной темноте. Я невольно вздрагиваю и тут понимаю, что в отражении не кто иной, как я сам. Это мои пустые глаза смотрят на меня сейчас, пугая и вселяя ужас. Я боюсь сам себя. Я свой главный, самый опасный враг. Я сам. И с этим ничего нельзя поделать. Только скрипеть зубами бессонными ночами, впиваясь ногтями в подушку, пытаюсь выжать слезы, которых никогда нет и не было. Ничего нет на свете страшнее одиночества...

2

Над головой весело шуршала желтая листва. С утра прошел небольшой дождик, и тротуар пестрел крохотными лужицами, в которых отражалось синее небо в белых барашках облаков. Регина Сергеевна неспешно брела по бульвару, с удовольствием вдыхая запах ранней осени. Как она любила эту пору! Начало учебного года, первые его недели. Под ногами золотистый ковер из

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

листьев, за оградой школы гомон, визги, смех. Девчонки в белых бантах, мальчишки аккуратно подстриженные, но мокрые и красные от бесконечной возни и бега.

Регина Сергеевна работала в школе вот уже сорок пять лет и не переставала любить свою профессию, считая ее самой лучшей на свете. В самом деле, что может быть прекрасней, чем учить детишек русскому и литературе? Регина Сергеевна знала наизусть сотни стихов, прочла тысячи книг. Она могла с любого места процитировать «Евгения Онегина», помнила, чем кончается каждая глава булгаковского «Мастера и Маргариты». Это был ее мир, тот, в котором она жила, легко, счастливо и непринужденно.

Регина была маленькой и сухощавой, она рано поседела и никогда не красила волосы, зачесывая их наверх большим деревянным гребнем. Она носила старомодные кружевные блузки с пышными жабо, длинные темные юбки и вязаные жакеты. Любила душиться французскими духами «Шанель» и вешать на шею бусы из натуральных камней. Никто не помнил Регину другой. Казалось, она всегда была благообразной, хрупкой старушкой, с морщинками на маленьком мышинном личике и с ясными, всегда улыбающимися глазами. Они одни не вязались с ее общим об-

ликом. Ярко-голубые, сияющие, они были полны задора и молодости. Стоило ей взглянуть на собеседника, как тот чувствовал необычайное тепло, словно на плечо его вдруг легла дружеская ладонь. Стыдно и неловко было после этого озорничать, лениться, обманывать и не делать домашнее задание. Если на душе скребли кошки, если весь мир, казалось, отвернулся от тебя, — эти глаза дарили надежду на лучшее. Но горе тому, кто переступал черту. Из глаз мгновенно уходила вся теплота, они становились ледяными, как Северный Ледовитый океан. Проказника словно колючим ветром обдавало. Он втягивал голову в плечи, бормотал что-то вроде «Простите, я больше никогда не буду». И не нужно было двоек, наказаний, вызовов родителей в школу и прочих санкций. Коллеги изумлялись:

— Как вы с ними ладите, Региночка Сергеевна? Вы такая маленькая, хрупкая, а они такие здоровенные лбы? И слушаются вас беспрекословно! Как?

Регина в ответ лишь улыбалась сухонькими губами, намазанными гигиеничкой. Ее все любили. Любили старые, выдавшие виды учителя и молодежь, только пришедшая в школу с институтской скамьи. Любил суровый директор Лев Львович, завхоз-балагур, охранники Петр и Николай. А уж

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

как ее любили родители учеников! Каждый год первого сентября класс напоминал оранжерею. На столе, на партах, на полу стояли в вазах огромные охапки цветов. Громоздились коробки конфет, торты, плюшевые мишки и разные милые безделушки. То же бывало на День учителя, Новый год и Восьмое марта. Уходя с работы, Регина бережно раздавала коллегам подарки. Сама она не ела сладкого, а букеты просто не могла донести до дома из-за их тяжести и своей тщедушной комплекции.

Дома ее ждала маленькая уютная двухкомнатная квартирка. Все в ней было таким же старомодным, как сама хозяйка. Паркетный пол, натертый до блеска воском, обои еще советских времен, в синюю и розовую крапинку, которые Регина заботливо подклеивала, если они где-то рвались. Стены комнат были увешаны картинами. Это было второй страстью Регины, помимо литературы. Она собирала картины, покупала их в салонах, в мастерских, ездила на Арбат и там долго и тщательно выбирала понравившееся полотно. Она не жалела на свое увлечение денег. В остальном же старенькая учительница жила более чем скромно. Ела на завтрак два яйца всмятку или фруктовый творожок, обедала супчиком, а ужинала стаканом чая и творожной запеканкой. Отдыхать никогда

никуда не ездила, предпочитая проводить отпуск в Москве, прогуливаясь в окрестном парке, сидя на лавочке с книжкой или подкармливая местных белок. Иногда она выбиралась в музей, на выставку или в оперный театр, но в последнее время такое бывало все реже — у Регины стали болеть и опухать ноги. Она мазала их пчелиным ядом, делала ванночки с морской солью, но они все равно болели, особенно по ночам. Регина маялась, вертелась с боку на бок и почему-то вспоминала отца, который погиб, когда ей было всего семь. Просто вышел на улицу, в соседний гастроном за молоком. Увидел, как двое подвыпивших парней пристают к девушке. Та плакала и с мольбой смотрела по сторонам, но никто не останавливался, все шли мимо. Отец Регины остановился. Подошел к верзилам. Сказал:

— Ребята, отпустите девчонку. Зачем вам проблемы?

Вежливо сказал, даже улыбнулся. Он вообще был вежливым человеком, часто улыбался, извинялся, никогда не повышал голос. Один из алкашей поглядел на него с ухмылкой.

— Эй, мужик, вали отсюда, пока тебе кости не переломали.

— Ну зачем же так, — смущенно проговорил отец, однако не отошел.

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

Девушка подняла на него заплаканные, мокрые глаза.

— Спасибо вам. Идите, а то достанется.

— Как же я могу уйти, когда обижают женщину? — удивился отец. — Нет, я останусь. Обязательно останусь.

И в это время он получил удар по лицу. Из носа хлынула кровь. Отец вытер ее ладонью, пожал плечами и проговорил спокойно:

— Вы подонки. Отпустите девушку, я требую!

— Он требует! — Верзила заржал.

Его приятель, хмурый, похожий на огромную обезьяну, молча замахнулся и двинул отцу в челюсть. Тот упал. Девушка закричала. Прохожие стали оборачиваться. Отморозки били лежащее перед ними тело ногами. Быстро, точно, короткими ударами. Минута — и их уже след простыл. Рядом сигналила милицейская сирена, ахали женщины, взволнованно переговаривались мужчины. Приехала «Скорая». Но отцу помочь уже не смогли. Кованый сапог одного из мерзавцев проломил ему череп.

Спасенная девушка потом все рассказала на суде. Как вел себя отец, что говорил. Убийц посадили. А Регина с мамой остались вдвоем. Мама плакала и долго не могла прийти в себя. Регина тоже плакала, но так, чтобы мама не видела ее

слез. Ей казалось, что она не имеет права усугублять ее страдания своими истериками. Потом обе смирились и перестали плакать. Просто жили потихоньку, дружно, мать работала, Регина училась. Приносила из школы пятерки. По воскресеньям пекли праздничный кекс — его очень любил отец. Ходили в зоопарк, зимой бегали на лыжах. Отца Регина вспоминала все реже, но когда вспоминала, чувствовала огромную боль и такую же теплоту. Она привыкла разговаривать с ним. Иногда, редко, когда было о чем сказать. Когда что-то в ее жизни не слишком ладилось или, наоборот, удавалось что-то прекрасное. Она была уверена, что отец слышит ее...

Мамы не стало давным-давно, а Регина пережила предательство любимого и решила никогда больше не пытаться создать отношения с кем-либо. Возможно, если бы родители были живы, они бы образумили дочь, объяснили ей, что жизнь состоит из компромиссов, что, упав однажды, нужно подняться и идти дальше. Но Регина была совершенно одна. И она одна решала, что и как ей делать. Тему брака она закрыла и посвятила себя любимой работе.

Она чувствовала себя счастливой и нужной и нисколько не завидовала семейным подругам. Дети? Так вот же они, целых тридцать человек,

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

сидят перед ней, улыбаются щербатыми ртами, смотрят в душу своими огромными глазищами. Других детей ей не надо. У нее и так все есть, все, что нужно человеку для полноценной, радостной жизни...

Дождик неожиданно пошел вновь. Сначала закапали робкие капельки, потом побежали уверенные струйки. Регина раскрыла зонтик, но за шиворот все равно текло. Она решила зайти в торговый центр, благо он был в двух шагах. Дождь долго не продлится, а она давно хотела посмотреть кое-что в мастерской багета. Сказано — сделано. Регина зашла в стеклянные двери, миновала вертушку и остановилась посреди мраморного вестибюля. Торговый центр был новый, недавно отстроенный, Регина была здесь всего один раз и не очень ориентировалась, куда идти. Она подошла к охраннику, пожилому, усатому мужчине в черной форме.

— Простите, не подскажете, где здесь у вас багетная мастерская?

— Багетная? — Мужик на секунду задумался и ткнул пальцем в эскалатор. — Вам на второй этаж. После сразу налево.

— Спасибо, — поблагодарила Регина.

Она с удовольствием проехала по новенькой автоматической лестнице и вышла на втором эта-

же. По обе стороны тянулась бесконечная галерея магазинов. Блестели и переливались вечерние платья, сверкала начищенная обувь, свисали со стеллажей кожаные сумочки всевозможных мастей и цветов. Регина невольно впечатлилась всем этим великолепием. Нет, она не собиралась ничего покупать, но как истинная леди ценила красивую и дорогую одежду. Она медленно двинулась вдоль бутиков, разглядывая витрины. Дойдя примерно до середины галереи, Регина поняла, что багетная мастерская осталась далеко позади. Нужно было возвращаться. Регина зашла в один из магазинчиков и все-таки не утерпела, купила себе симпатичный шелковый шейный платок. Стоил он недешево, но ее это не смутило. Иногда она любила совершать такие спонтанные покупки, они делали ее жизнь ярче. Повязав платок на шею перед огромным сияющим зеркалом, Регина огляделась и, оставшись вполне собой довольна, покинула торговый зал.

Теперь она шла по галерее назад, туда, откуда начала свой путь. Вот и мастерская багета. Регина зашла в небольшую лавочку, уставленную рамами, всевозможных мастей и размеров. Продавец, приятный пожилой мужчина, приветливо поздоровался и поинтересовался:

— Ищете что-то конкретное или просто зашли посмотреть? Могу я вам чем-то помочь?

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

Регина с достоинством покачала седой головой.
— Спасибо, любезный, я знаю, что хочу.

Пожилой улыбнулся и развел руками. Регина решительно направилась в дальний угол, где, на ее взгляд, были выставлены багеты нужного размера. Там уже находился покупатель, высокий и плотный мужчина в кожаной куртке. Он задумчиво перебирал рамку за рамкой, периодически отвлекаясь на тренькающий телефон. Регина попыталась обойти мужика, но тот занял собой почти весь узенький проход. Тогда она негромко окликнула его:

— Молодой человек! Простите, не могли бы вы чуть-чуть посторониться?

Кожаный отвлекся от телефона и обернулся.

— Вы мне?

На Регину взглянули острые карие глаза под красивыми кустистыми бровями.

— Вам.

Что-то кольнуло ее. Какое-то давнее, неувловимое воспоминание. Лицо кожаного слегка напряглось, а затем расплылось в улыбке.

— Регина Сергеевна? Неужели это вы??

— Я. — Она растерянно вглядывалась в черты лица незнакомца. Крупный, безупречно прямой нос, волевой подбородок с ямочкой, выщипанные темные волосы надо лбом.

Мужчина продолжал улыбаться и смотрел на нее с ожиданием.

— Неужели не узнаете? Нет?

Регина вдруг ахнула и хлопнула себя по бокам.

— Костя? Костя Соболев? Ты?

— Он самый! — Кожаный захохотал и сгрёб Регину в объятия.

— Боже мой! — лепетала та. — Ты совсем не изменился. Такой же красавец.

— Вы тоже не изменились. Как я рад вас видеть!

— И я тебя! Ты увлекаешься картинами?

Константин хмыкнул.

— Увлекаюсь — не то слово. У меня свой арт-салон.

— Свой что?.. — не поняла Регина.

— Ну выставочный зал. Я все эти годы занимался бизнесом, сколотил неплохой капитал. Купил миленький особнячок на Кропоткинской. Привел его в порядок. И вуаля — теперь там художественный салон. Выставки всякие, лаборатории. Привлекаю как известных художников, так и новых, молодых.

Регина смотрела на него с восхищением. Костя Соболев окончил школу почти двадцать лет назад. Он был первым красавцем класса, отличником, спортсменом. Девчонки его обожали,

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

ребята безоговорочно слушались. Ему прочили большое будущее, чуть ли не МГУ, но после выпускного Соболев неожиданно исчез. Поговаривали, что он не стал поступать в институт, а сразу развернул какое-то свое дело. В школе он не появлялся, учителей не навещал. И постепенно его забыли.

— Ну что? По чашечке кофе? — Константин галантно подставил Регине локоть.

Та церемонно оперлась на него.

— Не откажусь. Мне так интересно, как ты жил все эти годы. Особняк на Кропоткинской — это ведь огромные деньги. Просто огромные!

— Не маленькие. — Костя усмехнулся, и в усмешке его проскользнуло самодовольство. — Идемте, тут на третьем этаже есть чудесная кофейня. Я все вам расскажу.

3

Кофейня и впрямь оказалась великолепной. Небольшой, но уютный зальчик, окутанный полумраком, над каждым столиком круглое бра, излучающее мягкий зеленоватый свет. По бокам столиков удобные диванчики с подушками для спины. Костя усадил Регину на один из диванчиков, отошел и вскоре вернулся с подносом,

на котором стояли две чашки латте и тарелочка с пирожными. При виде пирожных Регина замала руками:

— Нет-нет! Я не ем сладкое.

— Да? — искренне расстроился Константин. — Жаль. У них тут такие вкусные эклеры. А безе так просто объедение.

— Скушай сам. Мне достаточно будет чашки кофе. И я тебя внимательно слушаю.

— Ну хорошо. — Костя улыбнулся. Зубы у него были безупречные, белые и ровные, от него вкусно и прохладно пахло дорогим одеколоном. Вообще весь вид его говорил о благополучии и процветании. — Начну с самого начала. Я ведь тогда, после окончания школы, не оправдал ваших надежд.

— Не оправдал. — Регина кивнула. — Такая золотая голова, сплошные пятерки по всем предметам. Я была уверена, что ты с блеском поступишь в университет. Ну или в какой-то приличный технический вуз.

— Вот-вот. — Костя хитро прищурился. — Все так думали. И родители мои тоже. Они просто мечтали увидеть меня студентом. Но увы. Я уже ехал подавать документы в МГУ, когда встретил на автобусной остановке своего бывшего соседа по лестничной площадке Никиту. Он

был старше меня года на четыре. В детстве мы очень дружили. Потом они с родителями переехали. Контакты постепенно затерялись. Я почти позабыл его, и вдруг он, собственной персоной. Стоит себе и ждет автобус. Ну, я его окликнул. Он обрадовался, мы обнялись. Стали расспрашивать друг друга, что да как. Я признался, что еду в приемную комиссию. Думал, он оценит, какой я крутой, в университет собрался. Но Никитос и не подумал восхищаться. Напротив, лицо его презрительно сморщилось.

— И ты, Брут... — проговорил он насмешливо и безнадежно махнул рукой.

— Что значит «и я»? — рассердился я. — Ты что, тоже учишься в МГУ?

— Я-то? — Никита снова насмешливо поднял брови. — Нет, упаси бог. Я вообще нигде не учусь.

— В смысле — уже закончил?

— В смысле — никогда и не учился. Даже в колледже. Школу кое-как окончил и замутил одно дельце.

— Какое дельце? — Я все еще не понимал, что он имеет в виду. Для меня тогдашнего человек, не выучившийся в институте, был сродни пропавшему.

— О, это долгая история. — Никитос загадочно улыбнулся. — Хочешь услышать?

— Хочу. Но не сейчас. Сейчас я спешу.

— Как знаешь. — Он равнодушно пожал плечами. — Только другого раза может и не быть.

— Это как? — удивился я.

— Да так. Послезавтра меня уже не будет в Москве. Я с друзьями улетаю в Хабаровск. Будем делать бабки. Настоящие, солидные бабки.

Меня так изумили его слова, что я на секунду позабыл про приемную комиссию и папку с документами, которую держал под мышкой. Семья Никиты никогда не была богатой, да что там, они откровенно нуждались и часто одалживали до полочки у моих предков. О каких крутых бабках он толкует?

— Ты все врешь, — сказал я. — Откуда в Хабаровске бабки?

— От верблюда, — спокойно ответил Никита и легонько ткнул меня в плечо. — Мы нашли там товар. Много дешевого товара. Его надо выкупить оптом, привезти в Москву и сбить на рынках. Стартовый капитал есть — я весь год работал в Макдаке, мои друганы тоже. Хочешь, возьмем тебя в долю? Просто так возьмем, бесплатно. Потом отработаешь.

— Ты с ума сошел. — Я повертел пальцем у виска. — У меня экзамены на носу.

— Ну раз экзамены, тогда прощай. — Никита театрально похлопал меня по плечу и направился к подошедшему автобусу.

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

Не знаю, что на меня нашло. Наверное, это подействовала жара, а может, ужасное напряжение всех последних месяцев или все вместе. Но я вдруг крикнул:

— Стой! — и бросился за ним вдогонку.

Это был совсем не мой автобус, но я влез в него следом за Никитосом. Он посмотрел на меня с любопытством. В его глазах мелькнуло уважение.

— Что?

— Расскажи мне все подробно!

— Сейчас?

— Да, прямо сейчас!

— И ты не поедешь в институт?

— Нет.

— Лады. — Никитос пробрался сквозь толпу и прислонился спиной к стене рядом с оконным проемом. Я тотчас очутился рядом. — Сейчас все сам увидишь, — сказал Никитос.

— Куда мы едем? — спросил я.

— В наш офис.

— У вас есть офис?

— А как же? — Он посмотрел на меня снисходительно, как на неразумного ребенка.

Больше я вопросов не задавал. Терпеливо дождался, пока автобус затормозит на одной из остановок. Мы вышли и зашагали к длинной пятиэтажке, стоящей в глубине квартала. Солнце

вовсю припекало, но спине моей было холодно от волнения. Я не представлял себе, что скажу родителям. Как объясню, почему не доехал до комиссии и не подал документы. Однако любопытство было сильнее страха.

Офисом Никитоса и его друзей оказался обычный подвал, в который вела железная дверь. У Никиты был ключ. Он отпер ее, и мы очутились в крохотной темной и сырой комнатенке, сплошь заваленной какими-то коробками.

— Вот, полюбуйся. — Никита открыл одну из коробок. Там лежали прозрачные упаковки не то легинсов, не то цветных колготок. — Это наш товар, — произнес он с гордостью. — На рынках идет на ура. До этого мы закупались в Подмоскowie и Туле, но теперь нашли отличную оптовую базу под Хабаровском. Съездим туда, наладим контакты, и бизнес пойдет в гору. Там еще масса отличного товара по копеечным ценам.

Я рассеянно рассматривал разноцветные упаковки.

— Неужели вы зарабатываете на этом деньги?
Никита хмыкнул.

— Ну а ты как думал? Стал бы я тащиться в Хабаровск. Это тебе, брат, не в МГУ учиться.

Я весь погрузился в сомнения. Честно сказать, я завидовал Никитосу. Ему всего двадцать

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

два, а он уже раскрутил собственное дело, ездит по всей стране, зашибает бабки, ни от кого не зависит. Я представил себе, сколько еще буду сидеть на шее у родителей. Пять лет! А если потом еще аспирантура? А работать где? На кафедре в том же универе? Получать копейки и гордиться своим дипломом?

Я вдруг увидел свою будущую жизнь со стороны. Вечный отличник, гордость семьи и школы, привыкший поступать так, как ему велят. Кто велит? Почему кто-то должен распоряжаться моей судьбой? Я тоже хочу быть свободным и зарабатывать деньги. Хочу купить тачку, хочу летать за границу, ходить в дорогие рестораны. Кажется, мои мысли были написаны у меня на лице, потому что Никита весело ухмыльнулся и спросил:

— Ну так что? Летишь с нами? Билет, так и быть, я тебе куплю.

— Зачем я тебе? — искренне удивился я. — От меня ведь не будет никакого толка. Я ничего не умею.

— Будет от тебя толк, — уверенно произнес он. — Мне нужны рядом верные люди. Ты был хорошим другом, станешь хорошим компаньоном. Самолет послезавтра в десять утра...

Костя остановился и посмотрел на притихшую Регину. Та покачала головой.

— И ты полетел!

— Да, я полетел. Не буду рассказывать, чего мне это стоило. Я насмерть рассорился с родными. Отец почти проклял меня. Мать слегла с сердечным приступом. Мне было тошно и стыдно, но я понимал, что пути обратно нет. Из той поездки мы привезли товара на сорок тысяч баксов. За пару месяцев выигрышно сбыли почти все. Я бесплатно вкалывал на Никитоса, пока не отработал билет и проживание. Он снял мне комнату в том же доме, где был его склад. Вскоре моя работа стала приносить прибыль, сначала небольшую, потом вполне ощутимую. Я давно отбил свою долю и трудился в плюс. Кое-как помирился с родителями, хотя они так и не приняли мою новую жизнь. Через год я купил свою первую машину. Это была подержанная японская «Тойота», не бог весть какая, но целиком своя. Не каждый может позволить себе собственный автомобиль в девятнадцать лет от роду. Короче, еще пару лет я пахал на Никитоса и его друзей, пока не скопил кругленькую сумму. Тогда я распрощался с ними и открыл собственное дело. Сначала так же торговал шмотками, потом вложился в производство автокосметики, затем долгое время занимался продажами биодобавок и витаминов. Да чем я только не занимался. —

Костя улыбнулся и махнул рукой. — Вот, на старости лет пришел к искусству.

— Ну какая у тебя старость? — засмеялась Регина. — Ты мужчина в самом соку. Выглядишь просто великолепно. Ну а личная жизнь как? Женат? Дети есть?

— Был женат. — Константин вздохнул. — Не сложилось, к сожалению. Недавно мы разошлись. Детей бог не дал.

— Как жаль, — искренне огорчилась Регина.

— Да ладно, я как-то не особо парюсь по этому поводу. У меня жизнь кипучая, столько всего интересного. Знаете, живопись меня захватила. Настолько захватила, я прямо увлекся всем этим.

— Как я тебя понимаю. — Регина с готовностью закивала. — Я сама обожаю живопись. Вот уже двадцать лет собираю картины. Стараюсь находить редкие экземпляры.

— Боже, как интересно! — горячо воскликнул Константин. — Я и не знал про ваше увлечение.

— Ну тогда, когда ты учился, оно только начиналось. А теперь у меня есть чем похвастаться. Не хочешь взглянуть?

— Взглянуть на ваши картины? С удовольствием. Когда можно?

— Да хоть сейчас! — обрадовалась Регина. — Я живу в двух шагах отсюда. Мы можем прогу-

ляться до моего дома. Конечно, если у тебя есть время, — добавила она, спохватившись.

— Для вас у меня всегда найдется время. — Константин тепло улыбнулся. — Как вам кофе?

— Неплохой. Но знаешь, я варю вкусней. — Регина аккуратно поставила чашку на блюдечко и отодвинула от себя. — Ты прости, я старый человек. У меня привычки. Я редко бываю в подобных заведениях.

— Понимаю, — нисколько не обиделся Костя. — Я вас отлично помню. Помню, какая вы были принципиальная. Все вас уважали.

— Ну что ты. — Регина замахала руками, но ей было приятно.

Она вообще находилась в приподнятом настроении. Встреча с бывшим учеником всколыхнула в ней самые яркие эмоции. Надо же, Костя Соболев увлекается картинами! Имеет свой салон! Возможно, он пригласит ее на одну из выставок. Это будет так интересно.

— Что ж. — Соболев встал и, галантно склонившись над Региной, протянул ей руку. — Идемте?

— Идем, дорогой, идем.

Они вышли из кафетерия и спустились на улицу. Дождь давно прошел, но луж на асфальте прибавилось. Регина с опаской ступала по тротуару, боясь замочить замшевые полуботинки.

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

— Подождите, я сейчас. — Константин аккуратно высвободил локоть и быстро пошел к парковке. Через пару минут к бордюру причалил блестящий черный джип.

— Присаживайтесь, — крикнул из окна Костя испуганной Регине.

— Это твой? — Она смотрела на автомобиль с восхищением.

— Мой. Вам помочь?

— Не надо, я сама.

Регина осторожно открыла дверку и залезла на кожаное сиденье. Она казалась себе куклой, потерявшейся в недрах огромного дивана. Соболев газанул, и джип плавно двинулся по мостовой. Через пять минут они были возле Регининого дома.

— А я ведь бывал у вас, — проговорил Константин, помогая учительнице вылезти из машины. — Кажется в девятом классе, перед экзаменом по литературе. Вы со мной занимались дополнительно.

— Было дело, — подтвердила Регина. — Ты тогда отлично сдал.

— Все благодаря вам, — засмеялся Костя. — Постойте, угадаю этаж. Кажется, второй!

— Точно! Вот это память. — Регина приложила ключ к табло домофона.

Дверь с пискотворилась. Они не спеша поднялись по лестнице и зашли в квартиру.

— Ну, вот и моя обитель. — Регина включила свет в прихожей. — Тапочки под вешалкой. В ванной чистое полотенце. Мой руки и пойдём смотреть картины.

— Слушаюсь, сэр! — шутливо козырнул Соболев.

Он повесил куртку на крючок, обул тапочки и скрылся в ванной. Регина терпеливо дождалась, пока он выйдет, и тоже вымыла руки. Затем провела гостя в большую комнату. — Вот. Все мои сокровища. — Она обвела руками стены, увешанные картинами.

Костя молча ходил по комнате, разглядывая полотна.

— Да, тут есть на что поглядеть. Вот это — интересная штукавина. И эта тоже. И эта. — Он остановился у небольшого зимнего пейзажа. — А это вообще шедевр. Где вы все это находите?

Регина скромно потупилась.

— Говорю же, я часто посещаю салоны и мастерские.

— Просто фантастика. Я буду смиренно просить вас предоставить часть вашей коллекции для наших экспозиций.

— Правда? — Регина просияла.

Это было то, о чем она и мечтать не могла.

— Конечно, правда, — серьезно произнес Костя. — У нас проходят выставки частных коллекций. Я приглашаю вас принять участие.

— О, я с удовольствием!

Регина едва удержалась, чтобы не захлопать в ладоши. Ей захотелось сделать для Константина что-нибудь особенно приятное.

— Дорогой мой! Ты ведь, наверное, голоден? Ну что такое для тебя пара пирожных? Пойдем, я покормлю тебя. У меня есть отличная картофельная запеканка. И кофе могу сварить по своему рецепту.

— От запеканки не откажусь, — с готовностью согласился Костя. — Если честно, соскучился по домашней еде. После развода все по ресторанам, сам готовить не умею, да и некогда.

— Тогда посиди немного. — Регина кивнула на диван. — Я сейчас. Все разогрею и тебя позову.

— Хорошо.

Соболев послушно развалился на диване, продолжая глазеть на картины. Регина просеменила в кухню. Она достала из холодильника контейнер с запеканкой, зажгла газ и с удовольствием стала колдовать над старинной медной туркой. Запеканка разогревалась по старинке на сковороде, сдобренная кусочком сливочного масла, микро-

волновкой Регина не пользовалась. Кофе булькал в турке, изливая тонкий, согревающий душу аромат. Через десять минут все было готово. Регина заглянула в гостиную. Константин стоял у окна, о чем-то глубоко задумавшись.

— Идем ужинать, дружок, — мягко окликнула она его.

— А? Что? Ужинать? — Он встрепенулся и кивнул: — Да, конечно. Что, уже можно? Я и не заметил, как время прошло.

— Идем скорее. — Регина повлекла его за собой в кухню.

Соболев с трудом поместился за малюсеньким столиком, поджав длинные ноги под табурет. Регине показалось, что выглядит он каким-то усталым. Взгляд рассеянный, на лбу залегла морщинка.

— Жениться тебе надо, — сказала она, подавая ему тарелку с запеканкой. — Негоже это — питаться по ресторанам. Да и вообще...

— Что вообще? — улыбнулся Костя.

— Мужчине нужно жить с женщиной. Это нам, женщинам, без мужиков даже легче. Мы сами по себе организованные. А вам тяжело. Вот, я вижу, ты утомился. Шутка ли, столько работать. Нужно, чтобы кто-то о тебе позаботился.

— Вот вы и заботитесь. — Константин принял с аппетитом уплетать запеканку. — Вкусно!

Мне самому так ни за что не сварганить. Можно я иногда буду прибегать к вам на ужин?

Регина звонко захохотала.

— Костенька, мне не жалко! Прибегай хоть каждый день. Но тебе не старуха нужна, а молодая женщина. Вот что я тебе скажу — у нас в школе есть учительница географии. Премилая девушка и не замужем. Хочешь, я вас познакомлю?

— Нет! Нет! Только не это! — Константин сделал страшные глаза и шутивно замахал руками. — Мне хватает моих родителей. Те тоже все пытаются меня сосватать. А я не хочу. Дайте мне подышать свободой. Ну пожалуйста! — Он с той же шутивной мольбой взглянул на пожилую учительницу.

Регина ласково потрепала его по волосам.

— Ладно уж, донжуан. Гуляй, пока гуляется. А на ужин приходи, всегда буду рада.

Они еще посидели за столом, выпили Регинин кофе. Соболев вынужден был признать, что он действительно вкусней, чем в кафе. Затем Костя засобирался домой.

— Поеду. У меня еще поздно вечером деловая встреча с одним арт-менеджером. Ужасно рад был вас встретить!

— А я как рада! — Регина обняла его и расцеловала в обе щеки. — Приглашай на выставки.

Костя, казалось, только и ждал ее слов.

— А как же! Вот через неделю у нас отличная экспозиция, молодые художники-портретисты. Много неизвестных имен, но все перспективные, с будущим. Хотите, я дам вам приглашительный?

— Хочу!

Костя полез в барсетку и достал оттуда небольшую пачку флаеров.

— Вот. — Он вручил Регине цветной ламинированный листочек. — Это приглашение. К сожалению, только на одно лицо. Количество народа ограничено, там будут солидные люди. Сможете доехать одна?

— Смогу, конечно.

— Ну и отлично. Очень хорошо. Обратю я вызову вам такси.

— Спасибо, милый! Я обязательно приеду. Обожаю портретистов.

— Там вот еще внизу, в углу, мой мобильный. Если что — звоните.

— Конечно, конечно. — Регина поспешно выдвинула ящичек комода, стоящего в прихожей, где у нее в идеальном порядке лежали разные нужные вещи: квитанции на квартплату, почтовые извещения, пара выходных замшевых перчаток, помада и связка запасных ключей. Она

бережно пристроила флаер между перчатками и квитанциями.

— Ну вот, — засмеялся Костя, внимательно наблюдавший за Региниными действиями. — Вижу, у вас тут ничего не пропадет. Какой порядок!

Он сгреб Регину в объятия, смачно чмокнул в висок и скрылся за дверью. Она смотрела в окно, как черный джип выезжает со двора. Душа ее пела. Не сказать, чтобы встреча с бывшими учениками была такой уж редкостью. Регина часто встречала мальчишек и девчонок, которые давным-давно окончили школу. Многие водили ее в кафе, кто-то приходил к ней домой. С кем-то она регулярно переписывалась и перезванивалась. Но почему-то сегодняшняя встреча была ей особенно приятна. Может, потому, что Костя Соболев когда-то действительно был кумиром школы. Красивый, спортивный, умный, хорошо воспитанный, он одинаково очаровывал и одноклассников, и учителей. Его исчезновение после выпускного было странным и неожиданным. И тем более неожиданным и радостным было обнаружить Соболева в его новом воплощении — успешного бизнесмена и мецената. Регина отошла от окна, задернула кружевную тюлевую шторку и принялась мыть немногочисленную посуду.

4

Соболев оказался хозяином своего слова. Ровно через шесть дней он позвонил Регине.

— Добрый вечер, любимая учительница! Не забыли ли вы про мое приглашение?

— Не забыла, дорогой мой, помню, — проворковала счастливая Регина.

— Ну и отлично! Жду вас завтра в шесть по адресу: Пречистенка, семнадцать А. Вход для вас бесплатный, только приглашение не забудьте взять с собой.

— Не забуду, — заверила Соболева Регина.

Назавтра была суббота, короткий день в школе. Регина в два уже была дома. Она тщательно уложила волосы, надела лучший свой наряд, слегка подкрасила губы и надушилась. После чего положила флаер в сумочку и вышла из дому сильно заранее. Ей хотелось пройти пешком по Пречистенке. Она не так часто бывала в центре, и подобные вылазки всегда были для нее праздничным событием.

Регина доехала до «Кропоткинской» на метро. Вышла на улицу и не спеша пошла старинными переулками, стараясь не перегружать отекающие ноги. Заглянула в пару магазинчиков, в цветочном купила маленький букетик фиалок, изящно перевязанных бархатной синей ленточкой. Пере-

кинулась несколькими фразами с симпатичной продавщицей.

Так незаметно она добралась до небольшого особнячка, расположенного за стройной чугунной оградой. Здание было недавно отреставрировано. При входе четыре колонны в готическом стиле, по краям широких мраморных ступеней два каменных льва с разверстыми клыкастыми пастьями. Регина пришла в восторг. За тяжелой дубовой с золотом дверью располагалась рамка и стояли два охранника в строгих черных костюмах. Они проверили Регинину сумочку и пропустили ее в фойе.

Вестибюль был полукруглым. В центре его находилась лестница, ведущая на второй этаж. Справа гардероб. Слева туалеты и крошечное кафе. Регина отдала пальто приветливой седой гардеробщице и стала подниматься по ступенькам, покрытым бордовым сукном.

— А вот и вы! — раздался сверху знакомый, сочный баритон. На верхней площадке стоял Константин. Он был великолепен: прическа волосок к волоску, роскошный костюм песочного цвета, зеркально блестящие штиблеты. — Погодите, я сейчас. — Костя легко сбегал по ступенькам и, как неделю назад, галантно подставил Регине свой локоть.

Та с видом королевы взялась за него, и так они поднялись на второй этаж. У Регины разбежались глаза. Все пространство вдоль огромных окон занимали картины. Они висели на стенах в оконных проемах, на широких стендах, расставленных с интервалом в полтора метра, на декоративных колоннах. Вокруг не спеша прогуливался народ: мужчины в строгих пиджачных парах и фраках, женщины в длинных вечерних платьях, некоторые в мехах. Регина почувствовала себя старой нафталиновой рухлядью, извлеченной из заброшенной кладовки. Она невольно застыла посреди галереи.

— Что с вами, Регина Сергеевна? — удивился Соболев. — Вы себя неважно чувствуете?

— Ах, дорогой. Я отлично себя чувствую, просто мне как-то неловко.

— Неловко? — Костя весело захохотал. — Перестаньте. Вы, если хотите знать, здесь самый желанный и уважаемый гость. Большинство присутствующих тут вашего мизинца не стоят.

Он подвел Регину к одному из стендов.

— Вот, смотрите. Это восходящая звезда, молодое дарование. Некто Афанасьев Григорий. Ему всего двадцать три года, а посмотрите, как пишет! Какая экспрессия, смелость, я бы даже сказал, дерзость. А фантазия!

Картины действительно были превосходны. Особенно поразили Регину необычные, какие-то космические тона. Они буквально будоражили воображение, не давая остаться равнодушным.

— Великолепно, — выдохнула потрясенная Регина.

— Я рад, что вам нравится. — Костя осторожно освободил свой локоть. — Двигайтесь по часовой стрелке. Там дальше картины еще одного начинающего художника-модерниста, затем более традиционная живопись. Весь осмотр займет не меньше часа, а то и все полтора. Я встречу вас у противоположного края галереи. Договорились? — Он мельком глянул на часы.

Регина поняла, что ему нужно срочно уйти.

— Конечно, договорились, Костенька, — кивнула она. — Беги по делам, за меня не волнуйся. Я отлично проведу время.

Константин поцеловал ее руку и испарился. Регина постояла у первого стенда и медленно двинулась по кругу. Она получала несказанное удовольствие от экспозиции. Соболев действительно знал толк в живописи. Картины, как на подбор, все были прекрасны, несмотря на непохожесть стилей и техники. Вскоре Регина разговорилась с пожилой семейной парой, потом познакомилась еще с парой женщин-ценительниц

модернистской живописи. Всей компанией они ходили от картины к картине, изучали напечатанную на стендах информацию, делились впечатлениями. Час пролетел незаметно, за ним другой. Регина все еще не дошла до конца выставки. Она опомнилась, лишь когда кто-то осторожно взял ее за плечи.

— Региночка Сергеевна!

Регина вздрогнула от неожиданности и обернулась. Позади стоял Соболев и улыбался тепло и ласково.

— Вижу, вы тут как рыба в воде. Вам понравилось?

— Понравилось — не то слово! — Регина обняла Костю и расцеловала в обе щеки. — Я просто на верху блаженства. Я даже не предполагала, что среди начинающих художников есть такие таланты. Мы все в восторге. — Она кивнула на кучковавшихся рядом новых знакомых.

— Я гляжу, вы времени зря не теряли, — усмехнулся Соболев. — Что ж, коммуникабельность — вещь хорошая. Я рад, что вы нашли друзей по интересам. Но... — Соболев учтиво наклонил голову и лукаво оглядел Регинину компанию. — Можно, я украду у вас Регину Сергеевну?

— Конечно, можно, — весело согласились вокруг.

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

— Идемте. — Соболев взял Регину под руку. — Я покажу вам наше кафе. Кофе предлагать больше не буду, но у нас отличные молочные коктейли.

Они вдвоем спустились и зашли в маленький полутемный зальчик. Соболев что-то шепнул официанту, и тот в мгновение ока принес два высоких стеклянных стакана, до краев наполненных молочной пеной. Коктейль действительно оказался необычайно вкусным. Регина тянула его из соломинки маленькими глотками и щебетала без умолку, делясь с Костей своими впечатлениями.

— Я очень рад, что доставил вам удовольствие. — Соболев накрыл сухонькие ручки Регины своими широкими ладонями. — Если пожелаете, можем повторить. На следующей неделе у нас снова выставка, на сей раз тематическая — «Волжские пейзажи». Приглашаю.

— Я с удовольствием приду, — обрадовалась Регина.

— Пригласительных пока нет, я позвоню. — Соболев поднялся из-за стола и, достав из-за пазухи телефон, взгляделся в экран. — Засим решите откланяться, меня ждут.

— Да, да, разумеется. — Регина тоже встала.

— Я обещал вызвать такси.

— Что ты, вовсе не обязательно. — Регина замахала руками. — Я отлично доеду на метро.

— Ну уж нет, — твердо произнес Константин, не отрываясь от телефона. — Вот. Через семь минут приедет желтая «Шкода Октавия». Я успею проводить вас до гардероба. — Он повел ее к дверям.

Вскоре такси мчало Регину домой. Она смотрела в окно на вечерние московские улицы, освещенные разноцветной иллюминацией, и сердце ее сладко трепетало. В телефонном справочнике красовался номер Константина, заботливо сохраненный под названием «Костя Соболев».

Такси остановилось у подъезда. Регина вышла, поблагодарив водителя. На часах было без трех минут десять. Она зашла в подъезд, открыла квартиру, разделась и поставила чайник. В это время раздался звонок в дверь. «Кто бы это мог быть?» — удивилась Регина и пошла открывать. На пороге стоял совсем юный парень в засаленной спецовке и кепке.

— Вечер добрый. У вас протечка. Соседи снизу жалуются.

— Не может быть, — не поверила Регина. — У меня все сухо. Я только что была в ванной.

— И все же позвольте взглянуть, — мягко, но настойчиво произнес парень.

Регина окинула его внимательным взглядом. Типичный сантехник. Лицо сонное, равнодушное, глаза словно полужакрыты. Она не была трусихой. Возможно, она верила в судьбу, в то, что кому суждено сгореть, тот не утонет. Ценностей в квартире не было, денег хватило бы на неделю вперед, и только. Регина подумала и посторонилась, пропуская парня в прихожую. Тот быстро разулся и протопал в ванную. Регина сунулась было следом, но он решительно прикрыл дверь перед ее носом.

— Мешаете.

Она хотела было возмутиться, но тут на кухне запел чайник, который Регина по старинке кипятила на газу. Выключив чайник, она заварила свежий чай, налила себе чашку и с удовольствием сделала пару глотков. В это время дверь ванной со скрипом отворилась.

— Хозяйка, приношу свои извинения, — раздался из коридора голос сантехника. — Все у вас в порядке. Очевидно, это из соседней квартиры течет. Пойду туда.

Регина хотела выйти проводить незадачливого мастера, но случайно неловко повернулась и задела чашку. Кипяток пролился ей на пальцы. Регина охнула от боли и услышала, как хлопнула входная дверь. Она подержала пальцы под струей